

[00:00:00] [Начало записи]

Николай Остарков: Представьте себе огромный мегаполис, в нем один-единственный НПЗ, и другой возможности доставки бензина в этот город нет. Но при этом, от этого НПЗ трубу можно провести, бензовозами везти, есть автоматизированные заправки, есть не автоматизированные. Немножко колеблется цена этого бензина – кто-то так его продает, кто-то в канистрах возит, кто-то еще как-то. Если мы будем описывать эту реальность, мы невольно опишем ее как рынок, и будем говорить о курсе этого бензина. Но источник-то один, НПЗ.

А теперь усложним задачу. Представьте, что к этому НПЗ ведет всего одна нефтяная труба, там тоже есть фактор установления цены. Проблема разговора на эту тему заключается в том, что мы всегда имеем в виду, что у нас есть некий рынок. Там формируется кредитная ставка, есть курсы, и так далее. Мы вынуждены пользоваться этими словами, у нас есть курс, цена, и прочее. По-другому не получается, просто нет другого языка.

Если мы присмотримся, на самом деле это давным-давно не рынок, а какая-то третья или четвертая производная от этого рынка. Но мы все равно пользуемся этими понятиями. То, что мы имеем в виде курса, говоря собственно о рубле – мы имеем его как нечто, что устанавливается квазирыночным способом, и, конечно же, там никакой руки рынка нет. Там есть другая рука, принятия решений – правильных или неправильных, действия различных игроков. Но это не спрос, не предложения, не рынок в том обычном понимании, как он был раньше.

Исходя из этого предисловия, дальше можно говорить о том, что нам нужно делать, и какой курс нам нужен. Кажется очевидным, что нужен курс, который бы девальвировался плавно, постепенно, потому что это выгодно производителям, особенно если они экспортоориентированы. Они за это ратуют, и эта ситуация их устраивает. Крепкий курс не нужен именно им.

Давайте подумаем, как в нашей модели, где некоторые параметры этого курса заданы совершенно извне, формируется соотношение между долларом и рублем. Выгодно ли нам как стране, чтобы за 1 доллар давали 60 рублей, а потом 70, а потом 80? Ведь эти рубли чем-то обеспечены у нас. Эти работавшие люди, это ресурсы. Это реально заработанные деньги. Мы их не печатаем, к сожалению, в том понимании.

Мы берем эти реальные деньги и меняем на фантик. Фантик, конечно, условный, за ним стоит мощная экономика Соединенных Штатов, как нам говорят. Но чем больше мы меняем за доллар, тем хуже мы делаем себе. Крепкий рубль – тоже не так плохо, потому что тогда мы каким-то образом становимся более суверенными.

Что еще за игроки, которые играют на этой поляне, и которые пытаются, как нам кажется, рыночно определить этот курс? Самые главные игроки – все, кто связан с бюджетом, кто

определяет формирование бюджета. Нам нужно, чтобы там был нормальный полновесный рубль, чтобы мы получили нормальные деньги, у нас очень сильная бюджетная составляющая.

[00:05:08]

Но те, кто отвечает за наполнение бюджета, готовы пойти на все, чтобы девальвация случилось. Тогда они менее полновесными деньгами оплачивают те же самые обязательства, которые у них есть. Вот еще один игрок, который «за».

Взвесим все эти факторы различных игроков, экспортеров и импортеров – импортеры за крепкий рубль, а экспортеры за... Для того чтобы определиться, какой нам нужен рубль, нужно сделать ряд профилактических мероприятий. Первое мероприятие заключается в том, что нам нужен такой бюджет, чтобы он не был заинтересован, не было постоянного стремления его наполнять через механизм девальвации рубля.

Нужны какие-то процедуры, какие-то технологии формирования бюджета. Это длинный разговор, и я даже могу по этому поводу кое-что сказать. Они нужны, иначе у нас всегда будет группа людей, обладающих огромной властью, которые будут заинтересованы в его девальвации.

Нам нужна технология собственной эмиссии. Не эмиссии, при которой доллар для нас является золотом, и мы имитируем рубли, как бы меняя их на это новое золото в виде доллара. Как организовать эти механизмы? Это тоже задача, это технология. Все страны делают это, и делают, не обязательно покупая доллары. Они научились это делать. Это тоже обязательная ситуация, потому что, если у нас есть этот механизм, мы можем рассуждать о том, какой нам нужен курс.

Нам нужен хоть какой-то минимальный спрос на рубли вовне. У нас есть ближайший круг государств, с которыми мы можем торговать. Как стратегию, нужно формировать спрос на рубли. Отвязка от нефти – это еще один механизм, который уже происходит. И развитие фондового рынка, потому что это один из инструментов, с помощью которого можно потом запускать эмиссионные механизмы.

Когда мы таким образом расчистим поляну формирования курса, можно будет определить, какой нам нужен курс. Я за то, что не надо заниматься специальной порчей валюты.

Елена Дыбова: Итак, слабый или сильный?

Николай Остарков: Не надо заниматься порчей валюты.

Елена Дыбова: Хорошо, ваш прогноз? Мы будем всем такой вопрос задавать. Доллар – через год, через пять – равновесно упадет или взорвется, 30 копеек или 100 рублей?

Николай Остарков: Это неблагоприятное дело. Провели исследование банков, которые формируют курс, и...

Елена Дыбова: Скажите свое мнение, про банки не надо.

Николай Остарков: Никто никогда не может угадать этот курс.

Елена Дыбова: Как вы строите стратегическую линию бизнеса? Планируете по 100 рублей за доллар, или вообще говорите: нет, своими?

Николай Остарков: Поскольку у нас внутренний рынок, нам это неинтересно. Я работаю в строительной отрасли. У нас все затраты в рублях, нам это неинтересно. Нам интересен спрос. И нам интересно, чтобы люди получали зарплату в полновесных, хороших рублях. Но чтобы была небольшая инфляция, которая бы позволяет все время программировать снижение собственной себестоимости, потому что зарплата-то в рублях. То есть небольшая инфляция в районе 5-7 % и крепкий рубль – это основа для нашей деятельности, строительной. Нам нужно, чтобы люди получали деньги в рублях, и покупали метр квадратный.

[00:10:06]

Елена Дыбова: Отлично! Спасибо вам большое! Продолжаем наш неформальный разговор. Мы сейчас услышали ключевое слово: бюджет. Я приглашаю Катасонова Сергея Михайловича, депутата Государственной думы. Первый заместитель председателя комитета Государственной думы Российской Федерации по бюджету и налогам.

А пока я расскажу интересную историю. Я вчера была в Арзамасе. Там есть замечательный завод, который производит наши замечательные машины, БТР, обороно-промышленный комплекс, заседание комиссии, и так далее. Я использую свои возможности – я член этой комиссии. В перерыве, когда все пошли осматривать завод, мне дали возможность сесть за руль БТР. Вот такое счастье у меня вчера было.

Замечательный водитель, рабочий, всю жизнь в Арзамасе, 40 лет на заводе. Он мне показал, мы с ним едем. Танкодром. И вот, когда я, вся увлеченная этим процессом передвижения, он мне задает вопрос: «А вот вы там, в Москве, про нас все знаете?» Я говорю: «В смысле чего?» «Ну, вы про нас знаете, как мы живем?» Я спрашиваю: «А что же мы, не такие как вы?» Он говорит: «Нет, вы не такие. Они про нас все знают?» Я спрашиваю: «Они – это кто?» Он: «Дума, законы».

Для меня это было потрясением. Я-то вся в вождении, мне нужно БТР удержать. А у него эта мысль в голове: мы про него все знаем? Когда мы вышли из БТР, я начала его спрашивать: «Как, у вас же очень хорошее предприятие, очень хорошая зарплата». 60-70 тысяч они зарабатывают, для Арзамаса это деньги. Он говорит: «Вы знаете, я-то уже – ладно. Вот дети». И начинает мне рассказывать. Да, у него зарплата очень хорошая. Но обучение, медицина, там, там, там. Начинаю думать, а сколько же ему лет. Ему нет и шестидесяти, а он поставил на себе крест, потому что все, что он делает, уходит в совершенно другие области.

Когда Государственная дума принимает бюджет и налоги, она знает, думает про тех людей, которые в Арзамасе? Я вас немножко так спровоцирую. Доля них каждый рубль – это не эйфорическая какая-то мифическая. Это то, что они складывают, считают. Они, наверное, этот курс просчитывают ближе всех и больше всех. И они не оперируют, наверное, миллиардами, а каждая тысяча, каждая сотня, даже десять рублей – для них это очень важно.

Мы все понимаем и знаем, что такое бюджет, который формирует правительство. И все-таки, когда вы принимаете бюджет, про Арзамас думаете? Какой рубль, как вы считаете, для нашей экономики наиболее эффективен?

Сергей Катасонов: Вы начали свое выступление сегодня, сказали, что в Советском Союзе наши люди не думали, какой курс рубля. Надо сказать, что в Советском Союзе люди не только не думали о рубле и о курсе, а вообще была другая экономика. Очень многие вопросы на себя брало государство. Мы находимся сейчас в других реалиях. Сложно сказать, есть ли плюсы и минусы у высокого и низкого курса рубля, и что хорошо было тогда, а что сейчас.

Конечно, мы думаем. Если говорить о депутатском корпусе, у нас такая работа, мы вынуждены по роду деятельности встречаться с жителями не только во время выборной кампании, но и во время своей постоянной деятельности.

[00:15:07]

Вы были там, где у него БТР есть, а мы встречаемся с людьми – особенно если это сельская местность – там совсем другие проблемы. У людей зачастую проблема выжить в этих условиях, как найти средства для того чтобы физически существовать. Мы имеем сегодня 21 млн человек, которые живут за чертой бедности. Депутаты это понимают. Вопрос в том, кто формирует этот бюджет, насколько исполнительная власть понимает задачи, проблемы, которые стоят перед страной, и меру ответственности. Мне кажется, в этом плане у нас большие проблемы.

Если мы определим, что формирование бюджета ведет Государственная дума, вы должны понимать, что это вещь достаточно условная. Я какие-то поправки вношу, так как я представляю партию ЛДПР, и не требую согласования с каким-то высшим руководством. Но для того чтобы со мной подписался в эти поправки депутат партии «Единая Россия», это целая проблема. Он должен пройти по цепочке, сначала с руководителем «Единой России», который курирует мелкое подразделение, потом старшее, и так далее.

К сожалению, те законы, которые правительство вносит на Государственную думу, они практически в том виде и принимаются. Вы так широко о Государственной думе сказали, но давайте быть реалистами. К сожалению, сегодня это так. Это мы затронули политический аспект.

Возвращаемся к курсу, почему такой курс, что нужно делать. Вне сомнения, когда курс рубля низкий, когда дают много рублей за доллар, есть целый ряд бенефициаров, которые от этого выигрывают. Первое, чего коснулся сегодня мой коллега – это бюджет. На мой взгляд, если мы имеем сегодня половину доходов от экспортной выручки ресурсоориентированной промышленности, то понятно, что связь между курсом и ценой на нефть по корреляции близка к единице. Все остальное, что происходит – это временные факторы, которые влияют на объем выручки, на выплаты по внешним долгам, и так далее.

Для того чтобы выполнить рублевые обязательства – у нас консолидированный бюджет порядка 30 трлн – мы должны четко понимать, где возьмем эти средства. В условиях, когда экономика у нас останавливается, и получение дополнительных доходов – я думаю, что последними налоговыми изменениями, которые мы вносим, мы пытаемся добавить и выжать ту промышленность, ту экономику, которая осталась, она уже близка к пределу.

Единственный источник, который является стабильным – это нефтегазовые доходы, которые реализуются. Поэтому, если говорить, какой должен быть курс, он четко должен ориентироваться, он сверстан при цене, когда мы имеем 3 000 рублей за баррель. При такой цене мы сможем выполнить те обязательств, которые имеем. Мы никак не сможем отказаться от этих обязательств.

Как бы мы ни говорили, как бы ни сдерживали сегодня рост заработных плат – вы знаете, что сегодня остановлены все индексации, мы приняли 26 законов, все это приостановлено, пенсии мы не индексировали в прошлом году. Все равно, для того чтобы поддерживать хотя бы какой-то баланс социального напряжения, мы увеличиваем социальные расходы. Я могу сказать, что в этом году мы увеличили социальные расходы на 1 трлн, в консолидированном бюджете, в этих 30 трлн.

Поэтому стабильным источником для Минфина является, конечно, девальвация рубля. Это первый плюс, который есть в том, что девальвация увеличивается, и рублей мы получаем больше.

Что касается экспортоориентированных компаний, они тоже заинтересованы. Здесь выступали строители и говорили, что у них, в основном, рублевая составляющая в структуре затрат. Это не совсем так. Если брать промышленность в целом, сегодня у нас очень большая зависимость во всех наших производствах от импортных составляющих.

Нельзя сказать, что мы здесь все произвели за рубли, и чем выше будет курс, тем больше рублей мы получим. У нас практически нет собственного машиностроения, станкостроения, поэтому все, что мы покупаем, все равно покупаем за доллары. Здесь тоже все погранично. Прямой зависимости нет. Есть виды отрасли, которые имеют в структуре себестоимости больше рублевых затрат – для них, конечно. Здесь все относительно.

[00:20:00]

Минусы у высокого курса рубля – это обнищание нашего населения. Рубли, которые мы де-факто девальвируем и выдаем, и государство выполняет свои обязательства в рублевом выражении, но покупательская способность на них совершенно другая. Если мы будем рассматривать реальные доходы населения, конечно, они катастрофически падают.

Сегодня мы видим попытки сдержать инфляцию, фактически увеличивая курс рубля, имея в виду, что половина продовольствия – импортное. Если мы возьмем легкую, пищевую промышленность – 70-80 %, если сборочное производство – 80 % импортная составляющая. Конечно, это минус.

То есть за те рубли, которые мы выдаем населению, покупательская способность катастрофически падает. Есть бенефициары, которые выигрывают от девальвации рубля, но есть и отрицательные моменты, которые тоже имеют существенное влияние.

Вы спрашиваете, какой курс должен быть. Сегодня говорили о том что, наверное, плановая девальвация более понятна и привычна. Но самое главное, в моем понимании – этот курс должен быть предсказуемым. Он может быть крепким, может быть слабым, но он должен быть понятным.

На мой взгляд, переход на плавающий курс был ошибкой Центрального банка. Это была попытка уйти от ответственности, фактически в нарушение статьи о Центральном банке, где он отвечает за стабильность в валюте. Они дистанцировались от этого процесса.

Мы наблюдаем это не только в появлении плавающего курса, но и во всех других действиях Центрального банка. Речь шла о плавающем курсе в нулевых годах, когда у нас был рост экономики, была высокая цена на нефть, в какой-то мере это было оправдано. Но сегодня, когда у нас экономика имеет элемент стагнации, то есть она останавливается, наличие плавающего курса – это беда для нашей страны.

Я думаю, отчасти все это понимают, но, к сожалению, взять на себя ответственность в решении этого вопроса никто не хочет и не может. Кто должен принимать эти решения? Конечно, правительство Российской Федерации, конечно, Центральный банк. Сегодня Центральный банк в качестве индикатора своей деятельности поставил условно таргетированные инфляции, приведение этой инфляции к 4 %.

Причем, очень интересно, когда они говорят об этих 4 %, тут же, через три предложения, Набиуллина всегда скажет: «Но, скорее всего, нам добиться этого результата не удастся». У меня вопрос, за что отвечает Центральный банк в нашей стране? Он ни за что вообще не отвечает.

У каждого предприятия, которое защищает бизнес-план, либо органа, который выполняет госпрограмму, обязательно должны быть качественные индикаторы. По ним можно было бы, во-первых, оценить результат деятельности, а во-вторых, ввести персональную ответственность, получили мы что-то в итоге или не получили.

На мой взгляд, главный вывод – все-таки курс должен быть предсказуемым. Для этого, мы считаем, нужно уходить от плавающего курса, нужно его иметь в определенном коридоре, как у нас и было. Для этого нужно законодательно вносить изменения в Закон о Центральном банке. Мы считаем, что Центральный банк, как и правительство, должны отвечать не за инфляцию, а за реальное изменение экономической ситуации в стране.

[00:24:49]

Если все эти вопросы мы урегулируем, тогда у нас появятся предпосылки не задавливать потребительский спрос изменением ключевой ставки, не останавливать промышленность. И не говорить, что у нас все хорошо, и инфляция 4 %. Тогда у нас появится нормальный курс, появится нормальное развитие экономики. Будет ситуация, когда мы будем понимать, предсказывать, и нормально развиваться в нашей стране.

Елена Дыбова: Ваша позиция очень понятна. Есть ли какие-то вопросы?

Мужчина: (нрзб.) (00:25:25)

Сергей Катасонов: Тема такая есть. Сейчас я выступил инициатором создания рабочей группы, буду встречаться с Володиным. Ситуация с кадастровой стоимостью – патовая. По Москве мы собрали 45 % налогов на имущество, а в прошлом году было 85 %. Должен быть баланс интересов, это мы понимаем, и будем этим заниматься.

Мужчина: Воспользуюсь служебным положением. Я хочу развить тему, которую подняла Елена Николаевна – социальный аспект. Если брать того же человека из Арзамаса, получается, с одной стороны, крепкий рубль – дешевле товары, он может планировать свою жизнь.

С другой стороны, крепкий рубль – товары на мировом рынке неконкурентны. Люди продолжают у нас заниматься либо сырьевым бизнесом, качать нефть, либо они торгуют импортными товарами. Соответственно, никто платить эти деньги не будет, потому что платить не за что. Какая, с вашей точки зрения, социальная более правильная позиция?

Сергей Катасонов: Вы пытаетесь взять человека из Арзамаса, выдернуть его, поместить в какое-то пространство и дать ему какой-то рубль, крепкий или некрепкий. Человеку из Арзамаса нужно, чтобы у нас были рабочие места, чтобы у нас платили зарплату. Его не интересует размер инфляции, его интересует, сколько реально он рублей покупает, и что может купить. Поэтому это какая-то искусственная ситуация.

Нужно, чтобы у нас развивалась экономика. Инфляция – это производная от экономики, но никак не то, о чем вы говорите. Поэтому задача сегодня – Центробанк должен поменять свое место в этой иерархии, потому что от него много зависит. Если будет развиваться страна, экономика, и будет инфляция, но рубли будут, скажем так, более наполнены. Такая моя позиция.

Мужчина: (нрзб.) (00:28:15) Очень странно слышать мнение про Центральный банк, когда говорят, что он якобы по конституции должен управлять курсом и обеспечивать стабильность этого курса. Почему вы интерпретируете так, что Центральный банк должен заниматься стабильностью? Из закона этого не следует.

Сергей Катасонов: Нет ни одного центробанка в мире, который не отвечает за развитие экономики в стране. Только Банк России у нас ни за что не отвечает. Все действия всех регуляторов направлены – посмотрите, что является критерием и ФРС, и всех – это создание рабочих мест, это конкретные экономические параметры. И только в нашей стране Центробанк ни за что не отвечает.

Вы же видели, съезд прошел, не просто так там конфликт возник между банками и Набиуллиной, это же ситуация. И то, что она эти ограждения ставит для банков – то же самое, что делали до нее, просто она делает то же самое в новых условиях. Она не успеет никогда. Нужно заниматься другими вещами и контролировать. Если мы говорим о надзоре, в режиме онлайн, то, что делает банк, а не пытаться ставить для него барьеры, через которые нельзя перепрыгнуть.

[00:29:56]

Елена Дыбова: Последний вопрос, прежде чем вы уйдете. Курс рубля – через месяц, через год, через десять.

Сергей Катасонов: Он будет полностью соответствовать цене на нефть. Он будет следовать за ней.

Елена Дыбова: То есть вы считаете, нефть вниз – это мы смотрим на нефть?

Сергей Катасонов: Да. То, что сейчас он немножко не привязан к нефти – это текущая ситуация. Все выровняется. Вы хотите отгадать курс рубля – отгадайте курс нефти.

Елена Дыбова: А нам хотелось бы прогнозировать.

Мужчина: Елена Николаевна, надо о влиянии рубля на экономику, а не о его курсе. Я вот думаю, почему вы все время о курсах, когда речь идет о влиянии?

Елена Дыбова: У нас есть краткий, средний и долгосрочный прогноз.

Мужчина: Меня это возмущает.

Елена Дыбова: Должна быть дискуссия.

Сергей Катасонов: Конечно, должна быть.

Николай Остарков: Была предыдущая секция, там были представители Центрального банка. Они очень интересную вещь сказали: нет политики Центрального банка, есть политика правительства, Минфина, которая координируется одним органом. И Израиль это сказал, и поляки, и Казахстан. Не бывает политики центрального банка. Если ты здесь зажимаешь

денежную массу, значит, надо что-то с налогами делать. то такие сообщающиеся сосуды. В одной стране в мире есть такая позиция центрального банка, когда он зажимает денежную массу и говорит, не трогайте налоги. Не бывает так нигде, кроме Соединенных Штатов, но они сами доллар печатают.

Вадим Смирнов: Уважаемые коллеги, я не стал делать вступительного слова, Елена Николаевна уже сказала. Но я хотел бы перед следующим выступающим добавить два слова. Я представляю предприятие сельхозмашиностроения. Если говорить про тему курсов или тему сильного или слабого рубля, она меня очень сильно затрагивает.

Если взять прошлый и позапрошлый годы, в отрасли у нас был бешеный рост. Премьер говорил на всех мероприятиях, что в сельхозмашиностроении рост, и не 2-3 %, а 30 %. Да, большую роль играла мера – специальная субсидия, постановление 14.32, которое давало преференции российским производителям при продаже, они получали ценовое преимущество.

Но один из больших факторов – то, что у нас в прошлом и позапрошлом году соотношение рубля-евро было в пользу рубля. Если посмотреть по нашим коллегам, они практически все выросли. По моим соседям могу сказать, это не 30 %, а в два раза. Причем, речь не идет о сборочных предприятиях. Речь идет о чисто российских предприятиях, которые начали с нуля.

Там есть проблема: даже у самого локализованного российского предприятия нет высокотехнологичной компонентной базы. Да, по простым машинам это, может быть, и решается. Но как только ты уходишь в более сложную машину, все больше там гидравлика, электроника, рабочие органы берут все больше и больше.

Здесь уже получается, с одной стороны, мы получаем преимущество перед зарубежными поставщиками, с другой стороны страдаем от высокой стоимости комплектующих. Но если смотреть в целом, на нашей отрасли это отразилось положительно. Мы сейчас страдаем, и ситуация, сложившаяся на весну, для нас катастрофическая.

Все зарубежные производители хлынули на рынок. Если вы глянете год или два назад, холдинги уже отучились брать только импортную технику. Сейчас они опять вернулись к своей привычке. А вы знаете, что зарубежные торговцы техникой работают другими методами. Наладить себе нормальный канал снабжения холдинга очень легко.

К чему такое длинное вступление? Я хочу передать слово представителю производственного предприятия, Боглаеву Владимиру Николаевичу, для того чтобы мы услышали его мнение и впечатления, исходя из его реальных ощущений ведения своего бизнеса.

Владимир Боглаев: Я хотел бы сказать не о предприятии, которое представляю. Я хотел бы в принципе уйти от того, что есть те или иные бенефициары, от слабого и сильного курса.

Честно говоря, меня не покидает ощущение, что мы 40 минут не о том говорим. Я читаю тему: «Слабый рубль и его влияние на экономику и общество». За 40 минут я ни слова по теме не услышал.

[00:35:01]

Мне, как производственнику, который выживает за счет того что каждый день ставится та или иная производственная задача и разрабатываются мероприятия по решению сдачи к вечеру, к смене. Каждую декаду я должен отчитываться за показатели. Если я не выполню, завод умрет, не будет зарплаты, и все остальное.

Я привык, что если мы ставим задачу, мы очень детально прорабатываем мероприятия, которые надо решить, для того чтобы к вечеру, к концу недели, к концу декады, к концу месяца достичь определенной цели. Я сижу сегодня и слушаю, а каких целей мы хотим достичь, прослушав предыдущие 40 минут? Мы вообще к чему стремимся?

Мы говорим о том, что есть бенефициары в бюджет и все остальные. Ребята, какая мне разница, у кого какой бизнес в этой стране будет падать или расти? Страна должна быть конкурентоспособна на международном рынке. То есть продукт, производимый в стране, должен быть конкурентоспособен. И если он будет конкурентоспособен, страна будет жить хорошо, а если не будет конкурентоспособен, так или иначе, страна будет жить плохо.

Вопрос стоит в том, какой должен быть рубль в стране, чтобы продукт в этой стране был конкурентоспособен. И если в том или ином случае возникают бенефициары, которые «за», а некоторые «против», это уже не так важно. Рано или поздно, если страна будет неконкурентоспособна, бенефициаров от любого курса не останется, все будут голодать.

Это я немножко не по теме, потому что я пытаюсь вернуть наш разговор-дискуссию к теме, к той задаче, которую мы решаем. Я так понимаю, наш форум должен выработать хоть какие-то предложения, пожелания, которые, может быть, и не дойдут до правительства, но как слабый голос с низов, как обратная связь того, что происходит на производстве в Арзамасе или Череповце, кто-то нас услышит.

Второй момент. Курс, конечно, важен. Но я считаю, что взаимосвязь курса и ставки тоже принципиально важна. Так или иначе, курс и ставка – все равно мы упрямся в ЦБ.

Теперь к теме доклада. Что надо отметить по теме, по тому, какой курс нужен стране. Я думаю, о чем бы мы с вами ни говорили, сторонники и слабого курса, и сильного курса все равно сойдутся во мнении, что российскому производителю выгоден слабый курс. Можно сослаться на огромный экономический опыт.

Как поднимался Китай? Почему пиццала Америка, когда Китай захватывал американский рубль? В чем, кстати, и сегодня американцы упрекают Китай – в том, что поддерживает

слабый курс юаня, который позволяет китайским товарам быть более конкурентоспособными на рынке.

Поэтому вопрос не в том, какой курс нужен или не нужен. На мой взгляд, определенные действия по ослаблению валюты в любом случае создают преференции отечественному производителю. Дело не в мотивах тех, кто принимает решения. Я хотел бы разобраться в мотивах тех руководителей, которые пытаются сегодня оправдать усиление рубля.

Почему, при том, что за полгода на 40 % усилился рубль – а это страшнейший, смертельный удар в отечественное производство – люди из правительства пытаются каким-то образом оправдать, что это всем хорошо? Для такого утверждения должны быть мотивы. Очень важно в этом разобраться.

Они же понимают, что врут. Они же специалисты, они профессионалы, они не дети. И когда они сознательно врут с экранов, для этого должен быть серьезный мотив. Для того чтобы понять эти мотивы, я хотел бы обратить внимание, из кого состоит российская элита, которая принимает те или иные решения.

Вы там не найдете производителей, промышленников, инновационных ученых. Там, в основном, сырьевики, представители производственных переделов, а так же те, кто курирует финансовый и банковский сектор. Как раз этой группе населения то, что сотворил Центробанк за последние полгода, очень выгодно. Более того, сегодня у них нет никакой задачи, цели, мотива в принципе менять существующее положение дел.

[00:40:00]

Какая им разница, как себя чувствует производство в России? Они решают совершенно другие задачи, потому что, по сути, являются инсайдерами той информации, которую сами формируют в плане принятия политических решений. Ведь очевидно, что сегодняшний инвестиционный климат в стране совершенно непривлекателен для любого отечественного, да и не отечественного, производителя.

Мы удивляемся, что у нас сегодня в два-три раза выше инфляция. Почему мы этому удивляемся? По большому счету, это смотря какие задачи и цели ставит перед собой группа управления финансами в стране. А финансы – это распределение, по большому счету.

Я бы не думал, что были ошибки, что ЦБ ошибся, кто-то там еще ошибся. Господа, очень важно понимать, что там работают высокого уровня профессионалы. Они не ошибаются. Они четко следуют достижению определенной цели.

Елена Дыбова: Вы вышли и сказали, что 40 минут – и все не по теме. Вы считаете, что вы сейчас говорите по теме?

Мужчина: Абсолютно не по теме.

Владимир Боглаев: Хорошо. Давайте так. Если говорю не по теме, я извинюсь, я освобожу место для тех, кто по теме. На мой взгляд, мы не пытаемся сегодня сформировать те или иные предложения вверх, о чем стоило бы подумать.

Мужчина: Как влияет слабый рубль на экономику и общество?

Елена Дыбова: Нет, я категорически против. Вы, случайно, не профессор? Это обычная практика: отчитайся и доложи.

Мужчина: Я знаю тему: слабый рубль и его влияние на экономику.

Елена Дыбова: Вы знаете, у нас все-таки круглый стол, дискуссия другого формата. Мы здесь не в таком тоне, я вам честно могу сказать. Поэтому, пожалуйста, не надо вот так нас выстраивать.

Почему я заострила вопрос? Тема, которая сегодня сформулирована – я считаю, она не совсем удачна. Мы сейчас постараемся послушать представителей науки, потому что на самом деле все эти рассуждения немножко аморфны. Можно говорить очень много, и не сказать ничего, нетсформулировать, сильный или слабый. Я же не зря сказала, что дорог – сто, и у каждого своя точка зрения. Вот видите, вы совершенно увязали, ушли – политика, заговоры, и так далее.

Владимир Боглаев: Разве?

Елена Дыбова: Да.

Владимир Боглаев: Я поставил абсолютно... Расшифровал целевую установку финансового управления.

Елена Дыбова: Согласна.

Владимир Боглаев: Никакого заговора. Абсолютно открытая плановая работа по обеспечению доходами инсайдеров и валютных спекулянтов.

Елена Дыбова: Это разве не заговор?

Владимир Боглаев: Нет, это бизнес.

Елена Дыбова: Ничего личного?

Владимир Боглаев: Ничего личного, совершенно верно. При чем здесь заговор? Никакого заговора, это абсолютно плановая работа.

Елена Дыбова: Все-таки, подводя черту под вашим выступлением, я вас понимаю, вы человек дела, вы сами говорите, что вы привыкли к четко поставленным задачам.

Владимир Боглаев: Хорошо, я подведу черту. Мой отец как-то сказал интересную фразу, и я с ним согласен: «Если я не нужен искусству, на хрен мне такое искусство». Я этим,

наверное, черту и подведу. Если в принципе промышленник не нужен стране, то зачем промышленнику такая страна?

Я думаю, что мы сегодня обсуждаем, что нужно сделать, чтобы промышленник стал нужен стране. Мы говорим о том, что бюджет привязан к нефти, что он никак не зависит от добавленной стоимости произведенного на территории России. И мы ничего не говорим о том, что сделать, чтобы каким-то образом отвязать экономику страны от иглы.

И последнее. Мы говорим про прогнозы курса. Прогноз будет следующим. Да, действительно, он привязан к нефти. Безусловно, это будет так. Определенное усиление рубля в ближайшее время будет продолжаться, потому что нефть будет усиливаться. Это приведет к дальнейшей стагнации и угнетению производства, добавленной стоимости на производстве в промышленности.

Поэтому к следующему обвалу – а он неизбежен, потому что сырьевые рынки имеют тенденцию периодически падать – подушки безопасности для страны, которая хоть как-то сможет задержать катастрофический обвал курсов, не будет.

[00:45:06]

Это будет очередная игра для спекулянтов, когда они снова заработают. Вопрос не в том, какой будет курс, вопрос для меня лично состоит в другом. Когда ждать очередного обвала, катастрофического и лавинообразного, к которому страна не готова, потому что, кроме цены на нефть, у страны нет ничего из ресурсов, которые бы обеспечивали стабильность экономики в стране?

К сожалению, я не смог прочитать то, что написал, потому что оказалось, что я не по теме. Но надеюсь, что не сильно испортил этот круглый стол.

Елена Дыбова: Нет, вы высказали свою позицию. Она очень важна, потому что мнение каждого человека – это его размышления на заданную тему, и каждый понимает ее по-своему.

Я сейчас с большим удовольствием смотрю на фотографии Евгения Максимовича Примакова. Годы его пребывания в палате отличались тем, что это был сильнейший аналитический центр. Мне кажется, что мы сейчас катастрофически мало слушаем представителей науки. Они совершенно недоиспользованы и недо востребованы в нужном объеме, для того чтобы принимать решения.

Еще раз повторюсь, эта тема – она, конечно, немножко аморфная, общая. Но для того чтобы что-то предсказывать, нужно обладать широчайшими и глубочайшими аналитическими знаниями, пониманием процессов, которые происходят. Тогда формулируются основы, которые накладываются на практическое взаимодействие с людьми дела, с теми, кто занимается производством, кто производит, создает

добавленную стоимость. Тогда мы получаем какой-то более-менее прогнозируемый результат, а не развилку, что куда ни пойдешь, ничего не понимаешь, и везде плохо.

Николаев Игорь Алексеевич, директор Института стратегического анализа, компании «Финансовые и бухгалтерские консультанты», доктор экономических наук, профессор Высшей школы экономики. Очень здорово, что вы у нас сегодня здесь, потому что сейчас вы постараетесь дать нам какой-то ориентир в этом многообразии дорог. Во всяком случае, я на это очень рассчитываю.

Игорь Николаев: Слабый, сильный... Сегодня уже упоминалось, все мы знаем, плавающий курс. Если уж такое решение было принято, и мы перешли. Перешли очень непросто, мы помним, что делалось у нас пару лет назад, как обвалился курс. Рубль в такой ситуации должен стоить столько, извините за банальность, сколько он должен стоить.

Это рыночная экономика, плавающий курс, где рубль – это тоже товар, специфический товар. Спрос и предложение должны определять его стоимость. У нас же получилось так – об этом я скажу более подробно – что перешли, и вроде бы теперь доллар должен стоить столько, сколько за него дают рублей. Но не совсем так получается.

Чтобы определить завышенный или заниженный курс, а дальше ответить на вопрос, хорошо это для нас или плохо, на мой взгляд, надо ответить на такой вопрос: есть ли какие-то инструменты, которые позволяют держать этот курс на том уровне, на котором он есть? Искусственные инструменты. То есть если у вас есть какие-то подпорки, когда вы поддерживаете его на определенном уровне, и вам совершенно ясно, что эти подпорки (или называйте их как хотите) занижают или завышают, значит, курс не такой, как есть.

Анализируем, есть ли такие инструменты, были ли они за последнее время. Да, как минимум два механизма я бы выделил. Это инвестиционные технологии кэрри-трейд, которые у нас активно используются спекулянтами.

[00:50:02]

Когда доллары можно поменять на рубли при высоких ставках по рублевым вкладам и при фактически гарантированном, что никаких сильных колебаний не будет, через некоторое время вы опять уйдете в доллары, и у вас уже в долларах будет доходность по таким процентам, которые дают вам за рубли, и даже больше. Инвестиционная стратегия для валютных спекулянтов.

Она действует, когда существует большой разрыв между ставками. Когда у вас ключевая ставка, и даже сейчас 9,75 по рублям, сохраняется большой разрыв между ставками. Особенно когда она сохраняется, когда годовая инфляция снизилась до 4,3 %, тогда спекулянтам самое раздолье. Это один фактор, подпорка.

Другой фактор, который позволяет завышать курс рубля – это та политика девальютизации банковских активов, которая активно проводилась, и фактически проводится, с прошлого года. Тогда были повышены нормативы по обязательным резервам и по валюте. Если до марта 2016 года это было 4,25 %, то сейчас 7 %. По вкладам, которые привлекаются по валюте от физических лиц, это 6 %.

4,25 % и 7 %. Политика – собственно, и ее название «девальютизация банковских активов», повышение нормативов обязательных резервов. Как минимум эти два фактора действуют, и действуют они однозначно на то, что курс у нас является завышенным. Он декларирован как плавающий, на самом деле завышен.

Хорошо это или плохо? До поры до времени может показаться, что не так уж и плохо. Но это до поры до времени. Я уверен, что на самом деле не будет у нас такого экономического роста, как планировали в этом году. Хотя сейчас данные по февралю вышли плохие по производству, это связывается с высокой базой высокосного года.

Не так все просто. На самом деле этот фактор уже тоже действует. Если вам февраль не понравился – высокосность, и так далее, а январь? Январь-февраль все равно промпроизводство – минус 0,3 в годовом выражении. Поэтому действует уже этот фактор.

Вы здесь можете это держать, но у вас будет проседать другое. Это еще один структурный перекос, который рано или поздно, скорее всего, в результате резкого движения еще и на нефтяном рынке, разорвется. К сожалению, понимания, чем это чревато, нет. Поэтому пока можно констатировать, какие инструменты фактически используются, чего мы достигли.

Тактически, может быть, какой-то выигрыш и есть. Но стратегически создается перекос, структурные диспропорции. Они чреваты тем, что всегда начинают рваться в самый неподходящий момент. Мы можем опять получить фактически кризис на этом рынке.

Упреждаю вопрос, что будет с курсом. Мне самому не очень хочется, но часто спрашивают. Я понимаю, когда спрашивают, особенно журналисты: что вы тогда анализируете, если не можете сказать. Да, это высокие репутационные риски. Можно так сказать.

Давайте ориентироваться на то, что у нас есть бюджет, есть параметр, который заложен в Закон о федеральном бюджете на текущий год – 67,5 рублей за доллар как среднегодовой. Я думаю, что мы за этот параметр не выйдем. Это что касается ориентира по этому году. Но повторюсь, о чем и говорил большую часть своего выступления: неестественный завышенный курс.

Не может быть слабой экономики и сильной валюты. а экономика пока еще слабая. Это тоже, на мой взгляд, надо понимать. Если слабая экономика, то слабая валюта. Другое дело, что она может быть завышенной.

Ситуация такая. Наш рубль остается потенциально слабым, но с завышенным курсом, и экономика слабая. Сильная экономика – сильная валюта, слабая экономика – слабая валюта. Но когда вы эту слабую валюту искусственно завышаете, вы создаете такой перекося, который чреват очень болезненным разрешением. Спасибо!

[00:55:00]

Мужчина: Правильно я понимаю, что сейчас ситуация с сильным (нрзб.) (00:55:03) рублем связана с сознательными действиями групп, с сознательными действиями правительства, и так далее, (нрзб.) (00:55:11) за счет спекуляций на высоких ставках рублевых депозитов (нрзб.) (00:55:16)? Правительство управляет реальной ситуацией сейчас?

Игорь Николаев: Правительство может и должно управлять этой ситуацией.

Мужчина: Такой курс, как сейчас – это осознанные действия правительства?

Игорь Николаев: Это надо спросить у правительства: вы это осознанно делаете или нет. Скажите нам по-честному, мы никому не скажем. По меньшей мере, какое-то недопонимание. Если очень хорошо думать, наивно хорошо, то недопонимание ситуации существует. Мне трудно представить, что можно это не понимать.

Я не открытие совершил, это всем понятно. Я думаю, что и правительству понятно, и банку понятно, что сохранять ставку на таком уровне при такой инфляции – это нонсенс. Уже не объяснить, что высокие инфляционные ожидания. Это как-то совсем уже не объясняется. Поэтому будем наивно думать, что недопонимают пока ситуацию.

Женщина: (нрзб.) (00:56:52)

Мужчина: (нрзб.) (00:57:18)

Игорь Николаев: Вопрос в чем состоит?

Мужчина: Если экономика осталась прежней, почему в два раза курс повысился?

Игорь Николаев: Я же не говорил о всех факторах. Мы помним, что было с нефтью.

Мужчина: (нрзб.) (00:57:36)

Игорь Николаев: Нефть – это был, есть и остается важнейший фактор. В том обвале, тогда эта корреляция была, что называется, стопроцентной.

Женщина: (нрзб.) (00:57:49)

Игорь Николаев: Оно незначительно ниже. Когда движение происходит – один, два, три доллара за баррель нефти, это одно. Говорят: смотрите, там двинулось, а на рубле не сказывается. Ней дай бог, а скорее всего, это все-таки произойдет, на 5-10 вниз уйдет, и тогда все опять увидят, что влияние есть, и оно очень сильное. По-другому не может быть.

Пока у вас экономика так структурно перекошена в сторону сырьевых секторов, пока у вас бюджет столь критично зависим от цены на нефть, и вообще от того, сколько мы получаем от энергоресурсов – естественно, будет эта связь. Поэтому первое достаточно сильное движение – и все очень сильно почувствуют эту связь. Не сомневайтесь.

Елена Дыбова: Исходя из этой логики, курс сейчас должен быть 80 рублей за доллар. В бюджете дыра, все это отлично знают. Бизнес сейчас нагнетают бесконечными штрафами и всем остальным, чтобы заткнуть все дыры. Тогда получается, что правительство должно порушить курс, для того чтобы закрыть все свои дырки.

Мужчина: После выборов.

Елена Дыбова: Что вы думаете, они дотянут до 2018 года? Не дотянут.

Мужчина: (нрзб.) (00:59:36)

Игорь Николаев: По ощущениям – да. А какой должен быть курс? Уберите все подпорки, искусственные механизмы, и он будет такой, какой должен быть. Поэтому сейчас можно говорить только по ощущениям. По ощущениям – да, я бы согласился, около 80-ти. Но это по ощущениям.

[01:00:00]

Елена Дыбова: Прибавка к пенсии с 1 апреля 129 рублей. Выборы? Правительство должно сделать прибавку 1 000 рублей, пенсионеры ходят голосовать. Понимаете, такое чувство, что либо никто вообще ничем не управляет, либо какое-то хаотичное движение, потому что найти логику движения экономической ситуации – ее вообще нигде нет.

Мужчина: Очень логично, вы правы.

Елена Дыбова: Хорошо, сейчас теорию заговора мы обязательно рассмотрим, как вариант.

Мужчина: Латвия, карликовое государство. Если ее экономику сравнить с экономикой России. почему Латвия и ряд других прибалтийских государств – у них курс не такой низкий по отношению к национальной валюте? Допустим, лат стоит (нрзб.) (01:01:16). Здесь нет администрирования.

Игорь Николаев: Нет, здесь разный масштаб валют, поэтому 1 к 15. Я отвечаю, что так некорректно сравнивать. Нельзя так говорить.

Мужчина: (нрзб.) (01:01:36)

Игорь Николаев: Один евро стоит больше, чем один доллар.

Елена Дыбова: Давайте научимся выслушивать те ответы, которые вам дают. Давайте друг друга уважать.

Мужчина: Ответа не было.

Елена Дыбова: Это вы считаете. Коллега считает, что он максимально точно ответил. Реплика по поводу лата.

Мужчина: Это просто мое видение.

Игорь Николаев: Я не понял, при чем тут латы? Там евро уже давно, а вы все латы.

Мужчина: (нрзб.) (01:02:21)

Игорь Николаев: Вы знаете, что там уже пара лет как евро? А вы все про латы. Интересно, вопросы задаете, вы даже не знаете, что во всей Прибалтике уже давно евро.

Мужчина: (нрзб.) (01:02:41)

Вадим Смирнов: Я хотел бы дать слово Разбродину Андрею Валентиновичу, президенту Российского союза предпринимателей текстильной и легкой промышленности.

Елена Дыбова: Но мы с вами понимаем, что легкая промышленность – это очень болезненная тема. Мы все отлично понимаем, что люди, которые в этой отрасли работают – это с одной стороны полная зависимость, правильно я понимаю? Зависимость от курса, потому что тканей своих нет, фурнитуры своей нет, много чего нет. С другой стороны, я могу сказать, что я для себя открыла, у нас сейчас стало появляться очень много пошитой у нас одежды высокого качества.

То есть они нашли в себе силы, источники, для того чтобы практически разрушенную отрасль возрождать и выводить еще куда-то. Повлиял ли на это курс, я не знаю, вы сейчас нам об этом расскажете. Но то, что это ситуация, которая на наших глазах происходит – от полного разрушения к восстановлению и движению – это абсолютно точно. Ваши ощущения?

Андрей Разбродин: Коллеги, я не буду говорить о системных моментах, то есть научно системных. Если мы пытаемся говорить о влиянии курса национальной валюты, в данном случае рубля, на ситуацию в стране, то мы должны оценить, прежде всего, ситуацию в стране и все остальные факторы, которые влияют на определенные вещи. Это вещь отдельно не оцениваемая, в моем глубоком понимании.

[01:05:01]

Правильно сказал Николай Александрович, что мы не можем рассматривать ситуацию, держать денежную массу и одновременно с этим ужесточать налоговую политику, увеличивать налоговое бремя, и так далее. В том числе и движение курса рубля, вы все как экономисты понимаете – это не переключение Центробанка. Здесь очень много разнообразных факторов, которые тоже можно регулировать, в том числе и движение курса рубля, стимулированием заработной платы, увеличением потребления. Есть очень много факторов, которые влияют на курс рубля. Экономисты, кто учился и занимался системно этим вопросом – все мы эти вещи понимаем.

Это не только включение-выключение регулирующей ситуации Центробанка. Я абсолютно согласен с уважаемым профессором. Что плавающий курс рубля – это в определенной ситуации достижение, но надо уметь им правильно пользоваться.

Чтобы очень четко и коротко объяснить вам, как выглядит ситуация в текстильной промышленности, и как повлиял курс рубля на то, о чем сказала уважаемый модератор. Здесь ситуация весьма двоякая. С одной стороны абсолютно понятно, что отрасль, в которой объем рынка – условный объем, потому что точно его до конца сегодня никто не посчитал.

Мы его считаем как Союз несколько больше, потому что здесь не учтены определенные подотрасли, которые серьезно возникли в последнее время и которые не входили в традиционную статистическую обработку как подотрасли текстильной и легкой промышленности, больше учитываются как товары ширпотреба.

Объем рынка оценивается как 3,3 трлн на сегодняшний день. Из них чуть меньше 1 трлн приходится на то, что производится в Российской Федерации. Я не буду говорить, как мы оцениваем. Это официальная статистика, из этого вполне можно исходить. Рынок огромен, и в серьезной степени заполнен импортом. Соответственно, давление импорта на этот рынок существенное, очень большое.

Поэтому, когда произошла ситуация с резким изменением курсовых разниц, произошел логистический обвал, прежде всего, в крупных сетевых магазинах, в тех структурах, которые занимались серьезным оптовым бизнесом по импорту, что привело к возникновению очень серьезного интереса со стороны прямых покупателей к отечественным производителям. Они стали искать короткие цепочки, им потребовался российский производитель.

То, что стало частично происходить частично в продовольствии, вы видите. Тут определенное замещение видно более серьезно. Примерно те же процессы начали происходить и в текстильной и легкой отрасли.

Что тут же выяснилось? Как только эти процессы начали происходить, создалась ситуация для импортозамещения, для роста. Это классическая экономическая ситуация, меняется структура затрат, стоимость, из-за изменения курсовых разниц. Товар становится значительно более конкурентоспособным.

Обращение было, но, к сожалению, российские производители в том виде, как были заказы, как были запросы, решить эту проблему не смогли. Не потому, что они были не готовы технологически. Уверяю вас как президент, что сегодня на территории России уже не осталось того типа советских предприятий текстильной и легкой промышленности, которые выпускали школьную форму, военную форму, одеяла старого типа, подушки, и так далее. Сегодня абсолютное большинство – это модернизированные,

высокотехнологичные, очень качественные предприятия. Тем не менее, они не смогли заместить.

[01:10:00]

Причина очень простая. С сокращением денежной массы банки, несмотря на то, что любому экономисту кажется, что импорт падает, соответственно, перспектива нашей отрасли – в нее надо вкладывать. Законы нашего кризиса говорят о том, что вкладывать надо в отрасль с коротким оборотом, который дает быстрый результат, то есть на коротком плече можно достичь определенного результата.

Все наоборот. Наша отрасль была отнесена к самым рисковым, потому что был спрогнозирован серьезный спад спроса. Но никто не спрогнозировал, что спад спроса в целом произойдет на 20-25 % за два года на изделия нашей отрасли, а спад на импорт – почти на 50 %. Возник этот **волею**, который могла бы заполнять текстильная и легкая отечественная промышленность. Казалось бы, опять условия для кредитования – причем это официальные данные – тем же самым банкирам достаточно просто сделать рисковые оценки на основании таких данных.

Рисковая оценка была сделана – что это самая рисковая отрасль из всех отраслей. Это привело к тому, что большинство современных оснащенных предприятий отрасли, которые работали с банками, кредитовались, за два года до четырех раз, а некоторые до шести, потеряли объемы своей капитализации, то есть залоговой стоимости.

Соответственно, кредитные портфели у всех существенным образом обнищали, а некоторых довели до предбанкротного состояния на сегодняшний день, по причине того, что есть заказы, есть система работы с сетями – она предполагает штрафы, пени, и так далее.

Если банк прогнозирует сначала одно, подписывая в начале года одну программу, через полгода начинает ее резко менять, уменьшать залоговую стоимость и, соответственно, уменьшать дерево кредита, предприятие остается без необходимых оборотных средств и уже не может выполнять даже подписанные заказы. Это вопрос, как отрасль реагирует сегодня на изменение курса рубля.

Мужчина: Я правильно понимаю, что рост курса не дал вам преимущества **(нрзб.) (01:12:49)?**

Андрей Разбродин: Формально дал. И там, о чем сегодня было сказано, у нас появилось огромное количество ЧП, мелких предприятий, новых предприятий. Там, где на определенном сегменте рынка вход на рынок стоит очень дешево и не требует дополнительных заемных средств. Поэтому сегодня интернет наполнен огромным количеством ИП, которые шьют, делают собственную одежду. Но там «черная» зарплата, там три-четыре швеи, там во главе неплохой модельер, достаточно неплохое качество.

Суть примерно такова, что вместо развития мы свалились в полную деградацию. Я не говорю, что наши предприятия деградируют. Они пытаются выживать, сегодня существуют программы поддержки, некоторые работают нормально, некоторые работают очень своеобразно.

Я вам рассказал действующую ситуацию, она выглядит так, что отрасль сегодня не очень волнует реальный курс рубля, потому что есть он, нет его – воспользоваться им практически невозможно. Это первая ситуация. На самом деле, помимо прочего, отрасль курс рубля волнует. В целом, если тенденция будет сохраняться, то давление со стороны импорта будет увеличиваться.

Даже те предприятия, которые сегодня еще выживают, которые переоснастились и способны выпускать, поверьте мне, абсолютно конкурентную продукцию очень высокого качества, зачастую значительно выше мирового. На одном из совещаний Владимир Владимирович был, на небольшой выставке, и отмечал именно эту тенденцию, которая на сегодняшний день имеет место.

[01:15:03]

Мужчина: Наши умеют делать, но кредит дорогой.

Андрей Разбродин: Дело даже не в дороговизне кредита, перевариваются и сегодняшние проценты. Невозможность взять его гораздо хуже, чем его дороговизна. Отсутствие оборота средств гораздо хуже их стоимости.

Безусловно, курс нас волнует. Мы для себя считали по отрасли, что курс по доллару в районе 67 сегодня нас бы устраивал. Сохранялось бы более-менее равновесное состояние, при котором у наших покупателей сохранялся бы интерес поддерживать сегодняшнюю ситуацию. Чтобы она дальше не спадала, чтобы опять не изменилась логистика, которую они два года перестраивали.

Надо понимать, что они перестроили в значительной степени свою логистику, и если изменятся условия, они ее опять перестроят, и опять нужен будет такой разрыв, сумасшедшие колебания, чтобы эту логистику опять привести к сегодняшней.

С точки зрения прогноза я вам скажу свое понимание. Я согласен с тем, кто сказал, что у нас, возможно, в ближайшее время никаких великих потрясений не будет, а через некоторое время нас ждет еще одна волна кризиса.

Я абсолютно согласен с тезисом, как экономист, я прекрасно понимаю, что сильная экономика – сильная валюта, слабая экономика – слабая валюта. Перекосы в этом направлении приводят к пузырям, которые потом лопаются, и их надо чем-то замазывать. Замазывать будут нашей с вами кровью. Спасибо!

Максим Калашников: Прежде чем говорить о курсе рубля и о его влиянии на экономику, давайте вспомним такой термин – политэкономия. Простите, но экономики в чистом виде не существует. Говорю это не только как писатель-футуролог, не только как экономический обозреватель, но как начинающий промышленник – у нас с друзьями тоже уже есть промышленный проект.

Любому здравомыслящему человеку ясно, что одним курсом рубля управлять экономическим ростом невозможно. Нужно комплексное воздействие, которое подразумевает очень многое – кредитно-финансовую политику, протекционизм, активную промышленную политику.

Но, к сожалению, в Российской Федерации сырьевая, деиндустриализованная экономика. Она обречена идти от девальвации к девальвации. Это именно ее политэкономия. Все определяется теми, кто нами правит. А кто управляет Российской Федерацией? Правящая элита, по сути, либо сырьевая, либо ростовщическая. Мы прекрасно понимаем, ее ритм за четверть века мы прекрасно почувствовали.

С точки зрения российской элиты в стране не нужно бы вообще никакого перерабатывающего производства. Идеально – мы продаем нефть, получаем доллары, покупаем все и содержим электорат, как крепкие феодальные хозяева. Но поскольку полностью делать это невозможно, надо что-то сохранять, какую-то промышленность. И некоторая уступка делается, безусловно.

Елена Дыбова: Вы считаете, что это только уступка?

Максим Калашников: Да, это уступка.

Елена Дыбова: Есть ощущение, что несколько лет назад этот курс потерпел поражение в силу внешнеэкономических факторов. Поэтому, как бы элита ни хотела продавать и на эти деньги кормить электорат, получилось...

[01:20:04]

Максим Калашников: Да, безусловно. Я хочу напомнить вам, что в первый раз этот курс потерпел поражение в августе 1998 года, когда в стране со слабой экономикой, с деиндустриализованной экономикой, на три года был установлен валютный коридор, когда стоимость доллара стояла почти на одном уровне.

Помните шесть рублей? Когда стране Российской Федерации невыгодно было производить ничего, и даже редколлегии некоторых экономических изданий проходили в Испании. Все было дешево. Вы помните, чем это кончилось?

Поймите логику. Почему я говорю о политэкономии? Поймите действия правящего класса? Ему не нужна промышленность, его вынуждают ее развивать. С 1998 года, несмотря на

события 2014 года, природа его не изменилась. Что он пытается сделать? Он пытается как можно больше удерживать стабильный курс рубля. Почему? Кэрри трейд.

Можно, обладая инсайдерской информацией, использовать для личного обогащения этот механизм, о котором уже много раз говорилось. Я это прекрасно видел по 1996, 1997, 1998 годам, когда в российскую правительственную газету в 1995-м приходили посланцы Чубайса: у нас есть бюджеты, давайте славить механизм ГКО. В данном случае, конечно, механизм не ГКО, но очень похожая, та же инсайдерская информация.

Следующий момент – зачем им нужен завышенный курс рубля. Поскольку это все-таки нефтяной феодализм, им надо покупать некую преданность подданных. Но поскольку они не заинтересованы в развитии собственной промышленности, надо обеспечивать дешевый импорт, чтобы в торговых сетях лежали как можно более дешевые товары.

Понятно, почему они пытаются заменить дешевыми импортными товарами отечественные. Потому, что если появятся сильные отечественные производители, они потребуют и политической власти, а в этом элита несколько не заинтересована.

Этот ритм сформировался. Они держат, как правило, курс рубля. Промышленность падает, пока регионы еще терпят, поскольку 90 % от налога на прибыль поступает в бюджеты регионов. В соответствии со своим избирательным циклом они держат, а потом периодически девальвируют. Можно предсказать, что нынешний завышенный курс рубля – безусловно, завышенный – держится как раз в преддверии кампании 2018 года.

Как только электорат проголосует за стабильность, можно будет провести следующую шоковую девальвацию, каковые мы видели в 1998 году, во время кризиса 2008-2009 годов, потом видели совершенно дурацкую, губительную для реального сектора девальвацию 2014 – начала 2015 годов. И мы увидим следующую волну.

Елена Дыбова: Будет 100?

Максим Калашников: Вполне возможно. В данном случае надо входить в их инсайдерский круг. Мы с вами туда не вхожи. Вполне возможно, что и под 100. Почему? Они все время вынуждены применять это сильнодействующее лекарство, для того чтобы как-то поддержать производство на плаву. В данном случае здесь политэкономия.

Вы спросили, знает ли, думает ли Государственная дума об избирателях. У Государственной думы сейчас, как известно, один избиратель, по одному адресу. Она не так далеко в Москве, от Промышленной палаты, старая площадь. Поэтому, по сути, избиратель один.

Елена Дыбова: (нрзб.) (01:24:25)

Максим Калашников: Я понимаю, вы спрашиваете, думает ли она об избирателях. Она думает об одном избирателе. Один избиратель занимается все-таки сырьевым экспортом и финансовыми операциями с участием инсайдера.

Какой выгодный курс? Промышленникам нужен курс стабильный прежде всего, чтобы он был предсказуем. Жаль, товарищ Боглаев ушел, но может быть, вы скажете, что нужен предсказуемый курс? 65 рублей и (нрзб.) (01:24:54).

Мужчина: Он не просто нужен стабильный. Сейчас мы столкнулись с тем, что если он стабильный, параллельно инфляционный процесс у нас есть, мы теряем конкурентоспособность.

[01:25:06]

Максим Калашников: Совершенно верно.

Мужчина: (нрзб.) (01:25:09) стабильно ослаблялся рубль.

Максим Калашников: Я думаю, что сейчас наш симпозиум напоминает разговор политических ссыльных где-нибудь в Туруханске. Мы пока не можем повлиять.

Елена Дыбова: Оцените высокий уровень депутатов в этом зале.

Максим Калашников: Думаю, что на самом деле работать с помощью девальвации, постоянном обесценивании рубля, все-таки трудно. Это плохо для страны. Думаю, что здесь нужен некий договор со страной. Если бы существовала мощная партия, выражавшая интересы отечественной промышленности.

Вы хотите дорогого рубля? Пожалуйста, но при условии протекционизма, при условии соответствующей кредитно-финансовой политики, при условии доступности кредитов, налоговых льгот. Пожалуйста, рубль достаточно крепкий, но вы будете вынуждены тратить свою зарплату на отечественные товары. Тогда сработает.

Если мы продолжаем существование в рамках открытой настешь экономики, простите, мы будем шествовать о девальвации к девальвации. И каждый раз такая девальвация будет обходиться все дороже.

Елена Дыбова: У нас действительно идет своеобразная дискуссия. Но я сейчас внимательно наблюдаю, у нас на галерке сидят студенты. Удивительно, возраст аудитории достаточно взрослый, а они почему-то здесь. Скажите, пожалуйста, у вас есть какие-то вопросы к докладчику? Вам интересен ход этой дискуссии? Для вашего поколения есть ли влияние рубля на общество, на экономику? Вы это чувствуете? Интересна ваша позиция.

Женщина: (нрзб.) (01:27:23)

Максим Калашников: Когда мне было 20 лет, на меня тоже не влияли некоторые вопросы. Когда я стал отцом семейства, мне пришлось содержать детей, вопросы стали другими.

Мало того, в детстве я очень болел за Трубадура. Помните, в мультике, когда дочку короля увозят? Когда я стал постарше, я стал короля понимать, честно говоря.

В рамках нынешней политики страна обречена на кровопускания. Помните, средневековые врачи пытались лечить все кровопусканиями? Это девальвации. К сожалению, каждая девальвация будет тяжелее и тяжелее. Нужен совершенно новый курс, протекционизма. Причем, протекционизма не тупого в виде таможенно-тарифных барьеров. Протекционизм – сложное понятие. Активная промышленная политика, именно рузвельтовский новый курс нужен.

Елена Дыбова: Вот сейчас было очень хорошо. Нужен новый курс промышленного протекционизма. Точка. Если мы сейчас начнем анализировать...

Максим Калашников: На этом я заканчиваю свое выступление. Но поскольку такой новый курс при существующих реалиях не будет принят...

Елена Дыбова: Это мы услышали. Молодежи позитивный сигнал: нужен новый протекционистский курс. Спасибо большое!

Мужчина: Если бы ты был председателем правительства в стране, которая на 70 % зависит от нефти, ты бы ослаблял рубль?

Максим Калашников: Я бы один раз ослабил рубль. В данном случае мои друзья машиностроители настаивают, что 65 – и хорошо. Но ни вверх, ни вниз. Я бы все-таки вышел из ВТО, пусть со скандалом и прочим. Если бы я был председателем, я бы стал и президентом. И использовал бы очень разумную, продуктивную эмиссию.

Елена Дыбова: Так власть портит людей. Стоило представить себя председателем правительства, как начались лозунговые вещи.

Максим Калашников: Но вы спросили. Критикуя, предлагай. Я придерживаюсь этого принципа.

Елена Дыбова: Мы все понимаем, как работает правительство, когда мы в нем не работаем.

[01:30:03]

Мужчина: Я из Российской таможенной академии. Нужно рассматривать курс рубля в созданной системе финансово-экономического механизма России. Он работает на перекачку. Когда у вас высокий курс рубля, разрушаются отечественные предприятия, импорт все заполняет.

Когда он низкий, вы опять экспортируете все что можно. Когда затраты у нас начинают превышать мировые, мы в убыток себе экспортируем. В том числе и нефть, и газ мы

экспортируем в убыток. При нормальной экономике при таком падении цен на нефть нужно было перевести ее на дотацию.

Но за счет чего? У нас нет обрабатывающей промышленности. Поэтому нам нужно этот механизм перестроить таким образом, чтобы рубль был постоянным. Отвязать рубль от доллара, ликвидировать валютную биржу и работать внутри нашей страны, использовать ресурсы на собственное производство, пока мы не будем конкурентоспособными.

Конкурентоспособность – это развитие науки и образования. Пока мы не выйдем на соответствующий уровень конкурентной продукции, мы должны жить за счет собственных ресурсов. Поэтому никакой рубль конкурентоспособность не повысит, повысит только наша творческая работа, наш интеллект, который будет реализован в товарах, которые мы поставим на мировые рынки.

Это хорошо известно, во всем мире все страны проходят этот путь, Советский Союз проходил этот путь. Нет никаких научных оснований, чтобы его держать. Но может быть, какие-то другие основания есть.

Елена Дыбова: Спасибо, что вы так коротко и емко сформулировали свою позицию! Каспаров **Арнольд Арнович**, директор по науке **(нрзб.) (01:32:09)**.

Арнольд Каспаров: Меня очень затронула эта беседа. Я скажу два слова про нашу компанию. Мы занимаемся разработкой и производством шин спецназначения. Вся техника у нас на колесах. Мне понравилось, когда вы сказали, что были в Арзамсе, на БТР. А вы знаете, когда на параде идет новая техника, там все шины импортные, Pirelli и Michelin.

Елена Дыбова: Почему? Не доверяют вам?

Арнольд Каспаров: Потому, что они говорят, что нет. Пришлось Бочкареву Олегу Ивановичу – два с половиной года назад мы написали письмо, он собрал всех товарищей в погонах, и все подтвердили: шин нет. Мы начали эту процедуру. Мы говорим: наука есть, почему вы ее бросаете? Давайте сделаем что-нибудь.

Мы вели-вели, я открыто скажу, появился товарищ генеральный директор «КамАЗа». Он пришел к министру и говорит: «3,5 млрд, и я сам знаю, как их пристроить». И забрал эти деньги. И теперь ни ВПК, никто не знает, что там происходит, все работы засекречены. О каком курсе экономики можно вести речь? Я к чему это связал? Рубль падает. У нас остаются рубли, их надо правильно использовать. Если мы так будем тратить непонятно куда...

Еще один пример. Все наши легковые шины – там полиэфирный корд. В стране его ни грамма нет, мы его везем из Европы или из Китая. Мы пришли в Минпромторг к товарищу

Потапкину, два часа объясняли, что это надо, что завтра, если что-нибудь не так, мы встанем.

Приходят его специалисты и говорят нам: «Полиэфира в стране – вот так!» Это ведь тоже полиэфир. Но это же уровень! Где тот полиэфир и этот? Дошло до того, что я говорю: «Дайте мне, пожалуйста, на бумаге». Мне ответили, я своим коллегам сбросил, они говорят: «Каспаров, а где ты нашел такого «умного»?» И вот страна в этом болтается.

Дальше. Андрей Валентинович сказал: полиэфирный корд. Я был вынужден этим заняться как представитель науки. А полиэфир нужен и шинникам, и легкой промышленности. Мы сделали с немцами проект, 85-90 млн евро.

В это же время Ивановская область делает проект в 25 млрд рублей. В три раза дороже! И этот проект проходит. Рубль будет 100 или 200 – мы с такими подходами правительства с деньгами у нас будет всегда минус.

[01:35:01]

Рубль важен, но важно, как тратить эти деньги. А когда мы тратим в два-три раза дороже, все делаем, это как провокация или спецдиверсия.

Елена Дыбова: Нет, это другое слово, оно всем известно. Это слово «коррупция».

Арнольд Каспаров: Нет, не коррупция, это неправильно люди считают. Но когда есть проекты? Еще есть интересный подход. На РСПП был у нас совместный, химиков и легкой промышленности. Директора, которые уже серьезные, волки в хорошем смысле. Они выступают, критикуют проект, я тоже выступаю.

Мы уходим – все равно этот проект проходит. Как, если содружество директоров считает, что это неправильный проект, и он проходит? Обратной связи с нашим правительством нет. Мне это непонятно.

Что интересно, они делают доклад Путину через ВЭБ, что мы такой проект предлагаем. Мы сидим – и смеемся, и плачем. Но 25 млрд выделено. Я спросил про окупаемость. Они говорят. Что 9,5 лет. Я говорю: «Ну, товарищи, нет, там 30 лет будет». Вопрос сложный. Спасибо, что выслушали, потому что наболело. Пока не будет обратной связи, пока политика министерства не поменяется, не получится. Спасибо!

Мужчина: Я из Института экономической политики, занимаюсь макроэкономикой, макроэкономическим анализом. Мне кажется, что то, что мы обсуждаем сегодня, если говорить простым школьным языком, с точки зрения каких-то микроэкономических историй, со стороны предпринимателей, потребителей. Нужен все-таки макроэкономический взгляд.

Первое. Почему-то говорится независимо о проценте, об обменном курсе, о денежной массе. Это все взаимосвязанные вещи. Если Центральный банк повышает процентные

ставки, значит валютный курс – это функция от этого. Поэтому, повышая процентную ставку, он привлекает капитал, курс укрепляется, ниже инфляция. Это трансмиссионный канал, можно даже в учебнике прочитать.

Второй момент. Почему-то говорят о номинальном курсе. Номинальный курс ни на что не влияет. Влияет так называемый реальный курс. Реальный курс – это соотношение цены и товаров наших и товаров импортных. Это имеет значение. Если мы со 100 рублей зачеркнем два нолика, это не значит, что наша валюта в 100 раз укрепится, потому что это будет просто деноминация, цены отреагируют соответствующим образом. Нужно говорить о реальном курсе, а мы здесь очень много говорили о номинальном.

Можем ли мы повлиять на реальный курс? Это очень большой вопрос. Макроэкономическая наука считает, что скорее нет. Что скорее макроэкономический курс объясняется некими фундаментальными факторами. Вы можете влиять на фундаментальные факторы. На реальный курс искусственными штуками и политикой Центрального банка на него не повлиять.

Завышенный он или заниженный – вопрос действительно бессмысленный, потому что вы не сможете на него повлиять в долгосрочной перспективе. Вы можете печатать деньги, можно эмитировать деньги, но в долгосрочной перспективе это никак не влияет на реальную активность. То же самое с реальным обменным курсом, с условиями торговли.

Кому хуже? Кто выигрывает, кто проигрывает? Это тоже давно известно, я сейчас пересказываю учебник. Кто выиграет от так называемого крепкого реального курса, когда иностранные товары получаются дешевы? Выигрывают те, кто импортирует. Те, кто привозит нам и продает. Проигрывают те, кто конкурирует с импортом. Выигрывают не производители торгуемых товаров, а производители услуг.

Тот, кто производит мотоциклы, конкурирует с тем, кто производит мотоциклы в Японии. Но тот, кто стрижет людей и дает им ходить в кинотеатр, не конкурирует с ними. Соответственно, они выигрывают. Это то, что было у нас в 2000 годы. Почему у нас поднялись все услуги? Укрепился рубль в реальном выражении. Это, кстати, следующий момент, это голландская болезнь.

Наконец, последняя вещь – про стабильный курс.

[01:40:00]

Очень хочется стабильности, и хочется, чтобы погода была тоже стабильная. Но это, как с обменным курсом, зависит от фундаментальных факторов, на которые вы просто так не повлияете.

Два примера: Белоруссия и Армения. Что делает Белоруссия? Они хотели стимулировать экономику, и при этом зафиксировали курс низко, напечатали денег. Что произошло, мы все помним, это 2010-20011 годы, инфляция 2,5 %, цены удвоились.

Ничего удивительного. Если вы печатаете деньги и держите обменный курс, рано или поздно эта система разъедется. Вот они и получили инфляцию. Они до сих пор с этим борются. Они борются сейчас ровно с тем, с чем боремся мы – с политикой Центрального банка, и так далее.

Другой пример – Армения. Они, наоборот, дали срок, сказали: у нас будет стабильный обменный курс. Они его зафиксировали. К чему это привело? Раз курс фиксированный, получается, что во время спада, по идее, должна быть девальвация, а ее не произошло.

Произошло то, что можно назвать переукреплением. В итоге у них был отрицательный торговый баланс, очень высокие ставки, денежные сжатия – все эти «радости», которых мы избежали благодаря тому, что все время девальвировали рубль.

Мужчина: Никто не ставит под сомнение, что реальный курс рубля определяется экономическим состоянием страны и ее производственными мощностями, ресурсной базой, тем, что не поменяешь одним днем – ресурсной ставкой, и так далее. Речь шла о том, что на сегодня всем кажется, что рубль держат. Всем кажется, что (нрзб,) (01:41:54).

Если суммировать то, что вы сказали по прогнозу, вы сказали, что прогноз будет такой: как только отпустят, оно шарахнет. Тут же вы сказали, что если его резко отпустить, он все равно вернется в равновесное состояние.

Мужчина: Что значит – отпустить? Он сейчас свободен.

Мужчина: Разные точки зрения. Спасибо!

Елена Дыбова: Коллеги, я всем бесконечно благодарна, во-первых, всем, кто пришел сюда, а во-вторых, досидел. Эта тема на самом деле, может быть, отчасти ошибочна в самом начале обсуждения, потому что мы все равно не можем вывести аксиому, и тем более не можем вывести аксиому влияния на общество.

Как слабый рубль может влиять на общество? С точки зрения, все ли мы будем на баррикадах, когда будет 100 рублей за доллар, или не все? Разрушится вся наша промышленность, или что-то останется? Кто-то набьет карманы, и это вызовет очередной какой-то переворот? И так далее. Здесь столько разных факторов, цепочек.

Я не могу сказать, что я получила полный ответ, с самого начала задавая вопрос, есть ли эта волшебная тропинка, которая могла бы вывести рубль на реальную ситуацию. Но я еще раз в этом убедилась. Весь мой опыт, я 20 лет человек бизнеса, я все время очень сильно была заточена на то, чтобы созидать, работать, руководить. Работаю в Общественной палате я только один год.

Я еще раз убеждаюсь, что мы живем в несколько разных реальностях. Те, кто совсем внизу – у нас есть микробизнес, это 95 % от малого, средняя численность предприятий – три человека. Сейчас Министерство экономики немножко сориентировало, что раньше было три человека, сейчас это три с половиной человека работают на шести млн юридических лиц. Они меньше всего смотрят на то, слабый доллар или крепкий. Они просто сводят концы с концами каким-то своим образом.

У нас действительно появляется интерес к курсу рубля у среднего бизнеса, если это что-то более-менее производственное. Здесь уже люди начинают быть более втянутыми в эти категории. У нас вообще в своей парадигме живет население, и мы тоже про то поговорили.

[01:44:56]

Я не хочу рассматривать теорию политических заговоров, хотя мы все отчетливо понимаем, что здесь тоже есть интересы людей, которые пытаются и отлично решают свои финансовые проблемы с помощью регулирования этого курса, когда он то вдруг поднялся, то вдруг упал.

Я могу сказать, что еще пару месяцев назад ходили бесконечные слухи, что курс будет 100. Я собираю свою зарплату, бегу, меняю, думаю, как здорово я сейчас заработаю. Курс падает, падает, и сейчас я сижу и понимаю, что в 2018 году моя покупка, наверное, принесет прибыль, на которую я так рассчитывала.

Тема очень сложная. Я как модератор высказала свою позицию. Всем вам спасибо большое за самые разные точки зрения, которые вы сегодня озвучили.

Вадим Смирнов: Хочу добавить два слова. Мне на этом мероприятии было интересно было для себя понять, что вопрос больше. Я очень сильно завишу от импортных компонентов. Мне важно, что будет дальше.

Сейчас настала весна, микроколебания или отдельные регулировки, может быть, и будут. Но по факту нужно готовиться к серьезной девальвации, взрывной. И хоть там контролируемый момент, но она впереди будет. Это один момент.

Второй момент – производство будет подниматься до тех пор, пока курс рубля будет низкий. Это мы видели на сельхозмашиностроении, у текстильщиков, только из-за того что куда-то (нрзб.) (01:46:46) и не дали кредиты. Дали бы кредиты – там тоже был бы такой скачок.

Мужчина: В легкой промышленности 100 % оборудования импортное. И материал тоже импортный.

Елена Дыбова: Спасибо большое всем!

[01:48:49] [Конец записи]